перестройка воочию убеждают в справедливости положений исторического материализма об объективном характере общественных структур, о невозможности, притом скорейшим образом, воплотить в реальные экономические, социальные, юридические, политические процессы даже самые глубокие, прогрессивные, смелые идеи. Оздоровление советского общества, нарастание прогрессивных тенденций тоже идет сложнее и медленнее, чем хотелось бы тем, кто активно принял идеи перестройки.

[16] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 8.

[17] См.: Там же. Т. 3. С. 225—226.

[18] Там же. С. 225.

[19] Там же. С. 26.

[20] См.: Там же. С. 171—172.

[21] Там же. С. 4.

[22] См.: *Korsch K.* Marxismus und Philosophie, Leipzig. 1930. S. 67—68; *Marcuse H.* Reason and revolution. Hegel and the rise of social theory. Boston, 1964. S. 250—260.

[23] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., Т. 20. С. 142.

[24] Там же. Т. 39. С. 83.

[25] Там же. Т. 3. С. 25.

[26] См.: Там же. С. 43.

[27] См.: Там же. С. 432—434.

[28] См.: Там же. С. 434.

[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 84.

[30] «Коммунизм... вообще возможен лишь как „всемирно-историческое" существование» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 35).

[31] См.: Там же.

[32] «Образ философии», сложившийся у Маркса во второй половине 1840-х годов, в некоторых аспектах был им изменен и развит в 50—70-е годы. Это преимущественно касается методологических проблем, хотя не ограничивается лишь ими. Концепция философии, сформулированная Марксом в 1845—1846 гг., сложна и многомерна. Поскольку некоторые ее идеи затрагивались в последующих работах Маркса и сочинениях Энгельса, то для ее целостного воссоздания требуется учитывать весь комплекс работ, касающихся данной темы. И все же принципиальное значение имеет генезис новых позиций, тем более что сложившаяся в это время в общих чертах концепция в своей сути не изменится, а внесенные позже нюансы еще нуждаются в тщательном изучении.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МАРКСИЗМА РАБОТА Д. ЛУКАЧА «К ОНТОЛОГИИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТИЯ»

М. А. Хевеши

«Всякая значительная философия стремится дать общую картину мира, в которой пытается синтезировать все взаимосвязи от космогонии до этики с тем, чтобы выявить актуальные решения, определяющие судьбы человечества как необходимый этап развития» [1]. Эти слова принадлежат известному венгерскому философу-марксисту Дьердю Лукачу, который на склоне лет предпринял

титаническую попытку систематизировать Марксову концепцию общественного бытия. Его последняя, оставшаяся незаконченной работа «К онтологии общественного бытия» (для краткости будем называть ее «Онтологией») состоит из трех томов, общий объем которых составляет на венгерском языке 100 п. л.[2]

Интерес к онтологической проблематике появился у Лукача еще раньше, в годы написания «Своеобразия эстетического» (1963). Уже в этом труде, анализируя творения искусства, он говорит о двух формах бытия. Первую он связывает с наличием природных, физических предметов, вторую — с наличием творений искусства. Если первые существуют независимо от нашего сознания, то относительно вторых этого сказать нельзя. Бытие творений искусства, говорит Лукач, зависит от воспринимающего их сознания, от субъективного. Содержание искусства связано с тем, как оно изображается и как оно воспринимается. Поэтому, подчеркивает Лукач, в эстетике без субъекта нет объекта, в этой сфере связь объекта и субъекта проявляется специфическим, своеобразным образом.

Окончив свой труд по эстетике, Лукач намеревался приступить к написанию марксистской этики. Однако он вскоре отказался от этого замысла, ибо пришел к выводу, что прежде чем излагать понимание Марксом этики, необходимо реконструировать его взгляды на онтологию, и в первую очередь на онтологию общественного бытия. И лишь затем, исходя из диалектико-материалистической онтологии, приступить к разработке этики. Лукач считал, что этика, и прежде всего проблема долженствования, не может быть понята без познания закономерностей общественного развития, ибо предпосылкой любого долженствования, как в исходных моментах, так и в предполагаемых последствиях, являются определенные формы бытия, и оно (долженствование) никогда не может обрести статус полной независимости от существующего. Поэтому, считал Лукач, для того, чтобы говорить о сфере этического, необходимо познание сущего, бытия. Онтология общественного бытия выступает как условие познания этики.

Обращение к онтологии было характерно для целого ряда философских направлений XX в. Об этом свидетельствует не только неотомизм с его теологической трактовкой бытия, но и феноменология Гуссерля с ее отказом от гносеологизма, и философия Шелера, ставившего перед собой задачу «прорыва к реальности». Как известно, наиболее полно эта проблематика отразилась в «новой онтологии» Н. Гартмана, где познание выступает как вторичное начало.

Своеобразную трактовку онтология получает в экзистенциализме. Так, у Хайдеггера в центре всей его философии проблема «смысла бытия», раскрывающегося посредством анализа человеческого существования. Поздний Хайдеггер разрабатывал онтологическую герменевтику, в которой сущее дается через понимание бытия. Сартр стремился создать «феноменологическую онтологию», в границах которой человек свободен выбирать среди

существующих возможностей. Все это выражало определенное стремление противостоять распространению влияния неопозитивизма с его отказом от рассмотрения основ миропонимания, бытия, с его сведением философии к проблемам методологии.

В 60-е годы, когда писалась «Онтология» Лукача, проблемы общественного бытия привлекают особое внимание представителей ряда направлений западноевропейской философии. Франкфуртская школа, «новые левые», сторонники леворадикальной идеологии в связи с распространением в те годы в широких общественных слоях бунтарских настроений оказываются вынужденными дать свою трактовку общественного бытия. Именно тогда Адорно и старшее поколение Франкфуртской школы начали серьезный диалог с неопозитивистами, в ходе которого надо было дать ответ на вопрос: к чему стремится леворадикальное мышление — к объективному анализу общественного бытия, необходимого для его изменения, или лишь к изменению инструментария его изучения.

В этих условиях и марксисты должны были дать свое понимание общественного бытия. Возникает потребность в реконструировании онтологических воззрений Маркса.

Лукач стремится противопоставить марксистское понимание общественного бытия и бытия вообще неопозитивизму, гносеологизму, основным онтологическим направлениям XX в., уделяя особое внимание экзистенциализму. Интересно, что в своей книге он объединяет в одной главе экзистенциализм и неопозитивизм как две крайности, в равной степени предлагающие ложную трактовку мира, бытия. У экзистенциалистов, говорит Лукач, это онтология отчаяния, у неопозитивизма — отказ от рассмотрения реального бытия, сведение исследования к гносеологической проблематике.

Размышления Лукача об онтологии представляют собой попытку дать новую формулировку марксистскому истолкованию бытия и показать основополагающее различие между классическими учениями о бытии и историческим материализмом как учением об общественном бытии. Лукач не ставил перед собой задачу создания некой онтологической системы, он излагал результаты своих размышлений по поводу Марксова понимания общественного бытия. Онтология — это изучение объективной реальности, и в то же время «попытка восстановить связь с великими традициями марксизма» [3]. Лукач писал, что разработка Марксом собственной онтологии стала возможна благодаря его выводу о первичности материального бытия, первичности материального производства жизни. Онтология нужна марксизму, чтобы показать реальную основу общественного бытия в самой природе, выявить его тождество и отличие от природы.

Автор «Онтологии» говорит о том, что онтологические взгляды не нашли у Маркса какого-то систематического, собранного в одном труде изложения, что они разбросаны по многим его работам, но тем не менее дают цельную картину воззрений Маркса на бытие. Как только Маркс пришел к идее первичности материального

производства, он фактически приступил к изложению своих онтологических взглядов. Это был разрыв с гегелевской онтологией, выразившейся и в отрицании «окончательной» системы.

Марксистское понимание онтологии отличается от философии XIX в., в которой, по мнению Лукача, преобладала теория познания, гносеология, логика. Если в центре мышления докапиталистических формаций, писал он, находились проблемы бытия, то капитализм оттеснил эти проблемы на задний план, поставив в центр проблему познания вещи в себе. Усиленный интерес к познанию был вызван и потребностями реальной жизни развивающегося капиталистического общества, и идеологической ситуацией. Речь идет о том, что после процесса над Галилеем церковь уже соглашалась признать за наукой право на решение многих вопросов, за исключением вопроса о бытии самого человека.

Поэтому все философы Нового времени, считал Лукач, начиная с Декарта, стали заниматься прежде всего теоретико-познавательными проблемами. Исключение составляли лишь Спиноза и Лейбниц. У Канта логика, гносеология выступают как средство познания, у позитивистов — как методология. Но такой подход, по Лукачу, мешает подлинному познанию бытия.

В отличие от всех этих философских направлений марксизм исследует реально существующее, беря его во всей его целостности. Философские проблемы, поставленные самой жизнью, не могут, подчеркивал Лукач, быть решены гносеологически, поэтому марксизм направлен прежде всего на решение онтологических проблем. Такова исходная позиция Лукача.

В XX в. в значительной части философских учений основной акцент делался на гносеологическую проблематику, в большинстве из них начали преобладать гносеологические установки, наиболее отчетливо проявившиеся в неопозитивизме. Увлечение теоретико-познавательными проблемами наблюдается, по мнению Лукача, и во многих работах современных марксистов.

Марксова диалектика не была лишь принципом познания, а выражала закономерность развития любой конкретной действительности. Онтологически трактуемая диалектика бессмысленна, если она не универсальна. Соответственно с этим Лукач говорит о трех больших сферах бытия: 1. Неорганическая природа; 2. Органическая природа; 3. Социальная природа. И все эти сферы должны рассматриваться во взаимодействии, только в таком случае можно постичь бытие как единственную основополагающую категорию, а все остальные предстанут в соотнесении с бытием.

Постановка проблем онтологии у Лукача неразрывно связана с его попытками философски осмыслить суть новых процессов, происходящих в мире, постичь сущность тех структурных изменений, которые стали характерны для современного ему капитализма. (В его «Онтологии» речь идет не об экономическом анализе капитализма, а о попытке именно философского его осмысления.) Лукач отмечал, что в капиталистическом обществе второй поло-

вины XX в. многое изменилось: уже нет абсолютного обнищания пролетариата, более того, в 60-е годы рабочий класс в развитых капиталистических странах достиг небывало высокого жизненного уровня. И тем не менее, считал Лукач, суть капитализма осталась прежней, а процессы отчуждения не только не ослабевают, а, напротив, усиливаются. Основное различие между капитализмом XIX и XX вв. Лукач видел в следующем: в предыдущем столетии крупная промышленность охватывала прежде всего сферу производства средств производства, а производством средств потребления занималась мелкая и кустарная промышленность; современная крупная промышленность охватывает все сферы производства, а также и сферу культуры, что и привело к небывалому увеличению возможностей манипулирования общественным сознанием, которое усиливает процесс отчуждения человека в обществе, хотя сам этот процесс принимает новые, более завуалированные, чем раньше, формы.

Многообразные формы проявления недовольства капитализмом, которые имели место в 60-е годы, Лукач определил как начальную стадию борьбы против отчуждения. Он сравнивал молодежное движение с движением луддистов на заре развития капитализма. Движение за сексуальную свободу, также широко развернувшееся в те годы, трактуется Лукачем как протест против идеологии «обладания», являющейся, по словам Маркса, основой всякого отчуждения. В этих новых условиях, когда нет стихийных выступлений против капитализма, рабочее движение должно найти новые формы воздействия на трудящихся, в том числе на материально обеспеченные слои. И именно в этом плане важнейшее значение приобретает борьба против самых различных форм отчуждения, которая может стать платформой для сплочения самых разных социальных сил. Но для этого требуется понимание тех механизмов, которые сохраняют капитализм, поддерживают его функционирование, усиливают отчуждение, следовательно, необходимо постичь онтологию общественного бытия, исследовать его сущность.

Наряду со стремлением осознать процессы, происходящие в современном ему капиталистическом обществе, Лукач обращал самое пристальное внимание и на процессы, происходившие в странах социализма в 60-е годы. Это были годы осознания многих явлений, связанного с разоблачением культа личности. По Лукачу, социализм — это такая форма современного общества, которая впервые в истории стремится ликвидировать отчуждение, превратить отношения, господствующие в обществе, в подлинно человеческие.

Разоблачая недемократическую сущность капитализма, Лукач говорит о необходимости широкой демократизации социалистического общества. Под демократией он имеет в виду прежде всего демократизацию повседневной жизни, борьбу против бюрократизма, расширение сферы применения демократических методов управления обществом, утверждение самоуправления народа.

Дальнейшее развитие социализма, по мнению Лукача, связано с проведением радикальных реформ. Он приветствовал экономические реформы, которые начали осуществляться в Венгрии в 60-е годы, но считал, что преобразования, ограниченные лишь сферой экономики, не дадут ожидаемых результатов. Более того, подчеркивал он, при социализме сфера политики выступает на передний план и проблемы демократизации и самоуправления народа являются составной частью радикальных преобразований общества.

Именно такое понимание современного мира, и капиталистического и социалистического, лежит в основе «Онтологии» Лукача. К этому, видимо, надо добавить, что в 60-е годы в мире вновь возродился особый интерес к работе Лукача 20-х годов «История и классовое сознание», которая была многократно переиздана в то время во многих странах. Автор «Онтологии» не мог не считаться с этим фактом. Он говорит о противоположности многих своих взглядов прежним трактовкам ряда основополагающих философских проблем марксизма. Так, подчеркивая неразрывную связь общественного бытия с неорганической и органической сферами бытия, Лукач противопоставляет это понимание своей же концепции, изложенной в «Истории и классовом сознании», в которой природа трактовалась как общественная категория.

Поскольку в «Онтологии» Лукач так или иначе касается очень многих основополагающих вопросов марксистской философии, да и сама эта работа очень велика по объему, то хотелось бы выделить некоторые основные идеи, которые проводятся в ней Лукачем. К таким идеям прежде всего относится понимание взаимосвязи бытия и сознания в обществе. Весь труд Лукача пронизан стремлением выявить сущность общественного сознания и его связь с общественным бытием. Сознание, согласно Лукачу, не является просто чем-то вторичным по отношению к общественному бытию — оно встроено в это бытие, является его неизбежной, органичной частью. Более того, он говорил, что сознание обладает функцией творения бытия в обществе.

Такая трактовка бытия противостоит традиционной онтологии, в которой бытие связывается с использованием, применением вещей, предметов, тогда как духовная сфера предстает как обособленная, отделенная от бытия сфера. Лукач выступает против стремления представить сознание, субъективность как нечто второстепенное, как нечто лишь сопутствующее общественному бытию. Еще в «Своеобразии эстетического» он писал: «Существует широко распространенное заблуждение, будто и материалистическая картина мира в свою очередь носит иерархический характер, отдавая приоритет бытию над сознанием, общественному бытию над общественным сознанием. Однако для материализма приоритет бытия прежде всего фиксирует тот факт, что существует бытие без сознания, но не существует сознания без бытия. Из этого еще не вытекает иерархическая подчиненность сознания бытию. Напротив, только приоритет бытия и его конкретное —

как теоретическое, так и практическое — принятие нашим сознанием позволяет нам реально овладеть бытием с помощью сознания... В ходе исторического развития перед сознанием открываются все более широкие возможности проникновения в истинные свойства бытия, овладение бытием» [4].

Моделью общественного бытия у Лукача, как и у Маркса, выступает труд, простейший акт труда, в котором проявляется единство сознательного выбора человека и естественно-причинных взаимосвязей. Известно, что труд начинается с постановки той или иной цели, т. е. с мыслительно-сознательного акта. Для осуществления поставленных целей необходимо, чтобы пришли в движение познанные законы природы: функционирование общества оказывается неразрывно связанным с сознательной деятельностью человека, с постановкой им тех или иных целей. Именно поэтому Лукач придает целеполаганию очень важное значение. «Специфика общественного бытия заключается в том, что все материальные взаимодействия в нем вызываются целеполаганием, что они могут прийти в действие лишь при попытках осуществить некую мысленно предполагаемую цель» [5].

Лукач подчеркивает, что сознание в целеполагании, в нахождении средств достижения поставленных целей не может ограничиться лишь приспособлением к окружающей среде — оно порождает в ней такие изменения, на которые природа оказывается неспособной. «Поскольку сознание становится преобразующим, вновь образующим принципом природы осуществляемого, поскольку оно дает зону преобразований, импульс направления, то онтологически оно не может оставаться лишь эпифеноменом» [6]. Другими словами, мысль Лукача сводится к тому, что по отношению к общественному бытию сознание не является чем-то побочным, сопутствующим.

И хотя сознание человека в ходе познания природы часто приводит к созданию нечто отличного от того, что предполагалось ранее, это не означает, что общество попадает в зависимость от сознания индивида. Общество продолжает функционировать в соответствии со своими объективными закономерностями. Лукач не ставит под сомнение приоритет бытия, но обращает при этом наше внимание на выявление его специфики.

В его трактовке сознание, идеология предстают не только и не просто как сфера духовного. В силу того что сознание активно воздействует на поведение людей, групп и классов и может поэтому порождать общественные столкновения, оно, по Лукачу, представляет собой вторичную объективацию, являющуюся составной частью общественной практики. Различные формы общественного сознания — религия, искусство, философия, право — также обладают своим бытием. Мысли людей, все, что они думают — это определенный факт общественной жизни. Ту или иную эпоху мы не можем постичь, не принимая во внимание идеологию, мировоззрение, которые ей свойственны, — все эти вторичные объективации также являются составной частью общественной практики.

Именно такое понимание Лукачем роли и места сознания в общественной практике обусловливает и трактовку им другой центральной проблемы его «Онтологии» — связи истории и индивида. Он критикует Гегеля, считая, что у него в истории господствует необходимость. И именно этим объясняется наличие «логического покрывала», окутывающего гегелевскую онтологию. Логическое лжеодеяние философии Гегеля все время приходит в конфликт с его гениальными онтологическими замечаниями, отмечал Лукач. «Истинное возвращение к самому бытию может только тогда иметь успех, — читаем мы в «Онтологии», — когда его существенные свойства будут пониматься всегда как моменты исторического процесса развития в соответствии с его сущностью и будут положены в силу специфического характера историчности, в основу критического рассмотрения именно нынешнего рода бытия»[7].

Лукач говорил о критической онтологии Маркса. Под этим он подразумевает то, что приоритет историчности, последовательно доведенный до конца, означает критику всякой абсолютизации повседневности. Любое обыденное мышление имеет тенденцию к увековечиванию непосредственно данных фактов. Критическая онтология Маркса исходит из приоритета практики над созерцанием. Но тем не менее, считает Лукач, в марксизме далеко не всегда придерживались этого марксистского принципа. Общество и общественные явления часто исследуются статично и изолированно, берутся отдельные стороны бытия и выявленные при этом категориальные отношения абсолютизируются, чтобы затем «применять» их к другим видам бытия. Но тем самым искажается концепция Маркса. Отсюда и нередко встречающаяся в марксистской литературе трактовка роли человека в истории как второстепенной при признании основополагающего значения исторической необходимости.

Но, согласно Марксу, люди сами творят свою историю. И сквозь всю работу Лукача проходит мысль о том, что индивид является не марионеткой истории, а ее творцом. Это логически вытекает из понимания Лукачем роли сознания в обществе. Известно, что условия, в которых человек творит свою историю, заданы ему. Но заданная историческая ситуация таит в себе множество тенденций, и какая из них возобладает и реализуется в обществе, во многом зависит от людей, от принимаемых ими решений. На осознание исторических фактов и события, на выбор того или иного пути развития оказывают воздействие множество факторов, и от того, какие из них окажутся решающими, зависит дальнейший ход истории. Особенно велика роль принимаемых решений в период становления, генезиса того или иного исторического процесса.

По Лукачу, историческая тенденция складывается под влиянием тех решений, которые принимаются людьми, и которые в то же время заданы определенными рамками, или сужающими, или расширяющими возможности такого выбора. Только диалек-

тическая взаимосвязь этих моментов может определить основное направление исторического развития. Роль человека «в ходе истории состоит в том, чтобы на вопросы, поставленные обществом, давать такие ответы, которые могли бы способствовать, препятствовать фактически действующим тенденциям, модифицировать их и т. д. При этом, конечно, никогда не следует это понимать так, что вопрос и ответ механически связаны друг с другом. Там, где речь идет только о такой связи, там и вопрос и ответ не являются элементами бытия общества» [8]. Вопрос, на который надо дать ответ, содержится не в самих предметах, процессах в их непосредственном бытии. Этот вопрос предстает как продукт мыслящего субъекта, стремящегося объяснить имеющуюся ситуацию. Только после этого может быть дан ответ, который явится основой практической целевой установки.

Таким образом, по Лукачу, сама объективная действительность с многовариантностью ее развития ставит человека перед выбором, постоянно задает ему вопросы, требующие ответа. Именно в этом смысле Лукач и дает определение человека как отвечающего, делающего выбор среди существующих альтернатив существа.

Как же трактует Лукач альтернативы? Они тоже заданы человеку, ибо включены в сам исторический процесс. Уже простое взаимодействие человека с окружающей средой, скажем простейший акт труда, предполагает наличие альтернатив. Человек, принимая решения, делая тот или иной выбор, не только выступает в качестве существа отвечающего, но порождает своими действиями новые альтернативы, которые должны решать он сам или же другие люди. Происходит наслоение одних решений на другие, переплетение самых разных альтернатив и их решений. Общественное бытие, в трактовке Лукача, оказывается альтернативным по своей сути, по своей организации. В практике человека по существу нет ни одного акта, который не основывался бы на альтернативных решениях. При этом творческая практика никогда не ограничивается теми альтернативами, которые ей заданы, она ищет решения, наиболее соответствующие данному этапу развития и находит их даже тогда, когда они еще неявны, неочевидны. Люди не просто как бы проживают свой век, они и творят, формируют условия своего существования.

Следовательно, Лукач исходит из того, что альтернативы объективны по своему происхождению. Решение, поиск конкретного пути действия определяется не личностью, делающей выбор, а прежде всего общественным бытием, в пределах которого действует личность. Лукач не дает однозначного определения альтернативности, но совершенно четко связывает это понятие с тем, что задано условиями бытия. К тому же альтернативность есть не некий одноразовый акт, а динамичный процесс, связанный со сферами как материальной, так и духовной жизни.

Проблема альтернативности и ее решение неразрывно связаны с проблемой свободы и необходимости. Альтернативный характер

деятельности лежит в основе свободы человека, создает возможность для ее реализации. Путь к свободе оказывается связанным с тем, какую альтернативу выбирает человек, и в состоянии ли он претворить свой выбор в жизнь [9]. Лукач говорил, что было бы неправильно, упрощенно толковать соотношение свободы и необходимости, представлять его таким образом, что вначале происходит осознание необходимости, которое, претворяясь в действие, сразу дает свободу. Это значительно более сложный и опосредованный процесс. Свобода предстает не просто как познанная необходимость, а как бытийно заданное поле деятельности, в пределах которого человек волен принимать решения. От «онтологического давления» эпохи зависит, в каком направлении человек ведет поиск свободы.

Лукач обращает внимание на существующий в современном мире конфликт между свободой и необходимостью. Человек во все большей степени оказывается в состоянии контролировать естественную и общественную среду, в которой он находится. И в этом смысле степень его свободы возрастает. Но в то же время, будучи не в силах властвовать над отчужденным от него в целом миром, он остается рабом необходимости. Философия воспроизводит этот конфликт в антиномиях. Признается, что человек как часть природы подчинен ее законам и в этом плане его свобода мнимая, свобода его выбора ограниченна. С другой стороны, мы исходим из воли и свободы человека, из его возможности делать выбор. И это ставит проблему нравственной ответственности личности. По Лукачу, ответ на подобную антиномию может быть только эмпирическим, а эмпирической средой, в которой надо искать эти ответы, является история. Любое философское осмысление, согласно такому пониманию, не просто связано с общественным бытием, но может быть понято исходя из конкретного общественного бытия, взятого в его развитии.

По Лукачу, специфика человека — не необходимость, которой он несомненно подчинен, а то, что люди не смиряются с необходимостью, стремятся к выявлению и созданию наиболее приемлемых для них возможностей. Специфика человека заключена в сфере его возможностей. И задача онтологии выявить и возможности свободы человека, и ее ограниченность. При такой онтологической постановке проблемы свободы и необходимости история предстает как процесс высвобождения человека от естественносложившихся и от социальных сил, господствующих над ним. Лукач приводит высказывание Маркса о том, что истинное царство свободы начинается лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, где свобода находится по ту сторону собственно материального производства.

Проблема высвобождения человека от отчужденных, властвующих над ним сил находилась в центре внимания Лукача на протяжении всего творческого пути. В 10-х годах молодой Лукач рассматривал отчуждение, прежде всего отчуждение культуры в капиталистическом обществе, как такую всеохватывающую силу, от

которой нет избавления (только полный, тотальный разрыв с капитализмом может высвободить личность от этих пут). В те годы трактовка отчуждения у Лукача была чисто этическая. В 20-е годы, став активным участником коммунистического, революционного движения, Лукач с левоутопических позиций резко критиковал буржуазное общество как общество, в котором господствуют овеществленные, отчужденные отношения. Но само отчуждение он тогда связывал лишь с определенным типом сознания, при котором разум предстает как все подсчитывающий, калькулирующий расчет. Поэтому и критика отчуждения свелась у Лукача к критике таких форм сознания, которые не рассматривают человека в его целостности. В 30-е годы в книге «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества» Лукач уже с позиций последовательного марксизма выявил суть капиталистического отчуждения, показал, что истоки размежевания Маркса и Гегеля кроются в анализе реальных фактов капиталистической экономики. В «Молодом Гегеле» проводится четкое разграничение между отчуждением, овеществлением и опредмечиванием.

В «Онтологии» Лукач развил эти положения. И опредмечивание, и овеществление, и отчуждение он связал с социальной сущностью человека. Опредмечивание есть объективный процесс, в ходе которого под воздействием целенаправленной деятельности человека происходит преобразование естественной предметности — предмет начинает существовать как нечто общественное, социальное. Опредмечивание Лукач отличает от самой предметности, которая как естественная, природная категория представляет, по его словам, «синоним бытия» [10]. Возникает как бы двойная система отношений: это и активный обмен веществ с природой, и очеловечивание самой природы.

Овеществление Лукач рассматривал с целью выявления той действительности, которая скрыта за «фантастической формой» отношения вещей. При анализе овеществленного сознания он придерживался онтологического подхода: стремился выявить в самом бытии то, что порождает овеществленное сознание. Уже сам акт труда, предполагает не только процесс опредмечивания, но и овеществления (die Entaüsserung). В реальном, действительно происходящем акте труда они нераздельны: не только создается некий принципиально новый по отношению к природе предмет, но и совершаются определенные процессы в самом субъекте. Если опредмечивание однозначно и жестко связано с разделением труда, то воздействие овеществления, считал Лукач, может быть весьма различным. Один и тот же акт труда может в социальном отношении весьма различно воздействовать на субъект труда. Любое проявление субъективности, подчеркивал Лукач, своими корнями глубоко связано с социальностью и само бытие человека, простейший анализ труда, практики неопровержимо доказывают это [11].

Лукач подчеркивал ту мысль, что овеществление в равной мере предполагает наличие и объекта и субъекта. Ведь любые действия

не совершаются сами по себе, но в ходе общественной практики субъекта, и все совершаемое воздействует и на самого субъекта, на его знания, на его подход. Овеществление как процесс неразрывно связан и с отражением этого процесса в сознании. Оно становится внутренней органической частью сознания. Овеществленное сознание порождает видимость того, что идеологические моменты носят объективный характер, они проникают в обыденное сознание и выступают уже, говорил Лукач, как составная часть обыденной, повседневной жизни, т. е. влияют на человека как нечто реальное, более того, как сама реальность, вопреки тому, что это чисто идеологические явления [12].

Онтологический подход Лукача состоит в том, что он не просто выявляет сущность овеществленного сознания, но показывает, как овеществленное функционирование овеществленной системы порождает овеществленное сознание. Не случайно, отмечал он, все имевшиеся до сих пор в истории попытки преодолеть овеществленные формы сознания всегда шли рука об руку с попытками преодолеть и само овеществление, овеществленные действия.

Отчуждение Лукач в «Онтологии» с самого начала рассматривал как общественно-экономическое и как идеологическое явление. Отчуждение не может быть объяснено само по себе, оно может быть понято лишь в контексте всей совокупности общественных явлений. С точки зрения онтологии, «отчуждение никогда не является обособленным, само себя порождающим явлением, а является лишь моментом постоянного общественно-экономического развития, субъективно-идеологической реакцией на это состояние общества, на направление его развития» [13]. Отчуждение при всей своей экономической предопределенности может проявляться, развиваться путем опосредования идеологическими формами, но это отнюдь не означает того, что в каком бы то ни было отношении отчуждение может считаться чисто идеологическим явлением, это лишь видимость чисто идеологического явления.

Лукач говорил о всеобщности отчуждения в развитом капиталистическом обществе, но при этом «надо признать, что отчуждение никогда не может пониматься в общественной жизни людей как нечто самостоятельно существующее, как некое центральное, непосредственно основополагающее явление» [14]. Борьба с отчуждением, по Лукачу, должна вестись не только в социальном плане, но и на уровне отдельной личности. Ведь отчуждение проявляется и в субъективно переживаемом крахе автономии, самостоятельности личности. Успешной борьба отдельной личности с отчуждением может быть лишь при условии изменения социальных форм, искоренения социальных, объективных корней отчуждения. Но с точки зрения индивидуального существования отчуждение выступает как центральная проблема, определяющая самопроявление или крушение личности. Социальное преодоление отчуждения отдельного человека связано в повседневной, обыденной жизни с его деятельностью, и каждому индивиду предстоит пройти путь от стихийности к сознательности.

Акции индивида против отчуждения преследуют определенные конкретные цели и проявляются в самых различных формах. Но любое неприятие отчуждения может идеологически и организационно оформиться лишь на фоне широкой социальной критики тех или иных сторон общественной жизни, прежде всего процессов манипуляции массовым сознанием.

В своих рассуждениях об отчуждении Лукач исходит из того, что и в современном мире человек отчужден от человечества, от своей принадлежности к человеческому роду, поэтому Марксова концепция отчуждения сохраняет всю свою теоретическую значимость и в наши дни. Он приводит слова Маркса о том, что «реформа сознания состоит *только* в том, чтобы дать миру уяснить себе свое собственное сознание, чтобы разбудить мир от грез о самом себе, чтобы *разъяснить* ему смысл его собственных действий» [15].

Именно анализ сознания, его соотношения с общественным бытием составляет основное содержание «Онтологии» Д. Лукача. Не принимая трактовок бытия, которые давались представителями основных направлений западноевропейской философии XX в., Лукач считал, что подлинное понимание бытия можно ныне найти только на пути возрождения онтологии марксизма. Он был глубоко убежден в необходимости ренессанса марксизма, восстановления подлинного метода Маркса. Этот подход он противопоставлял широко распространенной вульгаризации марксизма, при которой проблема бытия часто сводилась к абстрактному изучению категории «материя», рассматриваемой в отрыве от проблем бытия человека. Лукач исходил из того, что марксизм дает целостную картину мира и места человека в этом мире. Он не приемлет механистическое разграничение в общественном бытии материальных и идеальных процессов. Материальность экономики не может трактоваться по аналогии с материальностью физики или химии, ибо неразделима от идеального. Резко выступал он и против разделения марксизма на отдельные философские дисциплины, что, по его мнению, не позволяет постигать мир в его тотальности.

Лукач восстанавливает Марксово понимание связи индивида и истории. Выступая против фаталистического восприятия исторического процесса, он делает особое ударение на его многовариантность, на то, что общественное бытие таит в себе многие, порой противоположные возможности развития. Подобное понимание выявляет роль субъекта исторического развития, делающего выбор, превращающего те или иные возможности в действительность. Альтернативные действия, вторичные объективации составляют органическую часть общественного бытия.

Не находя еще в самой социальной действительности реальных механизмов для преодоления отчуждения, для превращения сущего в долженствование, Лукач связывал свои надежды и с нравственными поступками отдельной личности, с преодолением отчуждения на уровне индивида. Последняя работа Лукача — это синтез его философских и этических воззрений, она была напи-

сана не просто с целью реконструкции онтологических взглядов Маркса. «Онтология» Д. Лукача представляет собой попытку дать онтологическое обоснование субъективности в рамках марксизма.

[1] *Lukács G.* A társadalmi lét ontologiárol. Bp., 1976. Köt. II. Old. 542.

[2] Венгерское издание увидело свет в 1976 г., немецкое (западногерманское издательство «Люхтерханд») — в 1985—1986 гг. I том венгерского издания историко-философский. Первая глава посвящена неопозитивизму и экзистенциализму как двум полярно противоположным философским направлениям. Глава вторая — критическому анализу онтологических взглядов Н. Гартмана. Третья глава анализирует гегелевскую онтологию, ложную и истинную (по определению Лукача) и, наконец, четвертая глава содержит трактовку основных положений Марксовой онтологии. II том представляет собой систематическое изложение онтологии общественного бытия. Первая глава посвящена анализу труда, вторая — воспроизводству, третья — идейным моментам и идеологии и четвертая — отчуждению. III том — Пролегомены, в которых Лукач стремится соединить исторический и теоретический подход и дать сжатое изложение содержания двух первых томов.

В немецком издании «Пролегомены» даются в начале 1 тома, а затем следуют историческая и теоретическая части (Zur Ontologie des gesellschaftlichen Seins. Neywied; B., 1985).

[3] *Lukács G.* A társadalmi lét ontologiárol. Bp., 1976. Köt. I. Old. 232.

[4] *Лукач Д.* Своеобразие эстетического. М., 1985. Т. 1. С. 13—14.

[5] *Lukács G.* A társadalmi lét ontologiárol. Köt. II. Old. 388.

[6] Ibid. Old. 34.

[7] Ibid. Köt. III. Old. 38.

[8] Ibid. Old. 60.

[9] *Ancsél E.* Történelem és alternativák. Bp., 1978. Old. 27.

[10] *Lukács G.* A társadalmi lét ontologiáról. Köt. III. Old. 242.

[11] Ibid. Köt. II. Old. 574.

[12] Ibid. Old. 740.

[13] Ibid. Old. 755.

[14] Ibid. Old. 747.

[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 381.